

В 2020 году исполнится 450 лет со дня рождения (1570 г.) выдающегося, но, к сожалению, несправедливо забытого печальника Земли Русской преподобного Дионисия Радонежского, а также 410 лет с момента поставления его архимандритом Свято-Троице-Сергиевой Лавры (февраль 1610 г.). Причислен к лику святых Русской Православной Церковью. Преподобный Дионисий был для своего времени (Смутного времени) тем же, кем более чем за два века до него был Сергей Радонежский для молодой Руси. Именно Дионисий писал и рассылал грамоты в «смутные города», призывая к объединению для борьбы с врагом и к оказанию посильной поддержки народному ополчению. Напутствие архимандрита Дионисия во многом способствовало поднятию боевого духа ополченцев. Именно преподобный Дионисий в ноябре 1612 года совершил молебен в Москве, на Лобном месте, перед освободившим столицу объединенным русским войском Первого и Второго ополчений. В настоящее время мощи святого почивают под спудом в Серапионовой палатке у Троицкого собора Свято-Троице-Сергиевой лавры.

Сегодня я хочу рассказать о замечательном русском святом, к сожалению незаслуженно забытом у нас. Это духовный наслед-

ство отца нашего преподобного Сергия Радонежского чудотворца. Они жили в разные эпохи. Один через двести лет после другого, но оба сыграли выдающуюся роль в деле спасения России, в деле собирания русских земель. Мой рассказ об одном из настоятелей Лавры, преподобном Дионисии Радонежском.

Когда вы попадаете в лавру, то увидите, что сердцем монастыря является древний, златоглавый Троицкий собор. Он невысок и, пожалуй, тесен для огромного нескончаемого потока богомольцев. Рядом с ним стоят высокий и просторный собор Успения Пресвятой Богородицы и высоченная, в стиле барокко свеча-колокольня. А уж сколько паломников может вместить трапезный храм! И все же Троицкий собор — главная святыня лавры, а может, и всей России. Здесь, в серебряной раке покоятся мощи игумена земли русской — преподобного Сергия. У южной стены собора был в свое время достроен придел над местом погребения второго настоятеля обители преподобного Никона. И почти одновременно к этому приделу была пристроена так называемая Серапионова палатка, где почивают мощи святых, бывших в разное время настоятелями лавры: святителей Серапиона, Иоасафа и преподобного Дионисия.

Кто же такой этот Дионисий? Чем заслужил он честь быть упокоенным подле великого Сергия?

Портрет преподобного Дионисия

Родился он во Ржеве. От рождения был боголюбив, почитал родителей и по их настоянию женился. Но брак этот был недолг. Жена скончалась, и после ее смерти Дионисий смог осуществить свою давнюю мечту — стать монахом. Он принимает постриг и поступает в число братии монастыря в Старице, где вскоре становится настоятелем.

В разгар знаменитой русской Смуты его возвели в сан архимандрита, и патриарх Гермоген лично вызывает нового архимандрита в Москву. Дионисий был рассудителен и красноречив. С ним советовался не только патриарх, но и царь Василий Шуйский.

Едва Троице-Сергиева лавра пережила великую шестнадцатимесячную осаду польско-литовских войск, Дионисий становится здесь настоятелем. Именно в Троицком монастыре проявилась выдающаяся роль этого Божьего угодника в судьбах России.

Судите сами, с именем Дионисия связано окончание Смуты. Мало кто, к сожалению, помнит об этом. Москва в начале его настоятельства в лавре терпела разорение от завоевателей-поляков и от всякого рода разбойников, в изобилии расплодившихся на несчастной нашей земле. По дорогам тут и

там скитались раненые, голодные и разоренные люди. Плач великий стоял на Руси. Множество увечных и убогих валялось в окрестных к монастырю рощах и умирало. Кто же имел хоть каплю сил, стремился найти приют в великой обители, которую не смогли захватить вооруженные до зубов иноземцы и их приспешники из числа своих, доморощенных злодеев.

Дионисий же, помня заветы преподобного Сергия, обратил монастырь в огромный странноприимный дом, а также больницу. «Дом святой Троицы не запустеет, — говорил он со слезами, — если станем молиться Богу, чтобы дал нам разум».

Началась кипучая работа: монахи и трудники строили дома и избы, лечили больных, а умирающим давали последнее молитвенное утешение. И это в Смуту, когда даже в Москве никто не помышлял о строительстве больниц и возведении нового жилья! Кстати, сразу после смерти Дионисия, по его завещанию, в лавре были возведены больничные палаты с церковью Зосимы и Савватия Соловецких — первая российская, общедоступная больница. Первая! Монахи и трудники ездили по окрестностям, подбирали раненых и умирающих. Женщины неустанно стирали и шили белье живым и саваны покойникам.

Архимандрит Дионисий и его верный помощник келарь Авраамий Палицын первыми начали великое дело спасения Отечества от Смуты. Да-да. Именно они, а не Минин с Пожарским. Дионисий с Авраамием уговорили двести человек стрельцов и пятьдесят монастырских слуг идти на избавление Москвы. Этот маленький отряд, конечно, ничего не значил в сравнении с силами поляков, но он явился началом того великого ополчения, которое собралось впоследствии со всех концов России по призыванию Дионисия.

Обитель сумела наладить хорошие отношения с казаками князя Трубецкого. В это же время в келье Дионисия сидели опытные писцы. Они составляли увещательные грамоты городам и селам, призывая всех, весь люд русский, все народы, для которых Россия стала родным домом, подняться для очищения Родины от литовских и польских захватчиков.

Одна из таких грамот и вдохновила на подвиг нижегородского мещанина Козьму

Минина-Сухорука, который вместе с князем Дмитрием Михайловичем Пожарским собрал народное ополчение. То самое.

С этого времени Дмитрий Пожарский находился в постоянной переписке с Дионисием, советовался с ним. Получив сведения, что литовский гетман Ян Ходкевич двинулся к Москве на помощь полякам, осажденным в столице казаками, Пожарский выступил из Ярославля со всем ополчением. Четырнадцатого августа русское войско было с честью встречено у стен Троицкого монастыря.

После общего молебна у мощей преподобного Сергия, архимандрит Дионисий благословил ратных людей иконой Живоначальной Троицы. Ничего вам это не напоминает? Тысяча триста восьмидесятый год. Накануне генерального сражения, в котором поистине решалась судьба Руси, другой русский князь, другой Дмитрий — Донской — едет в Троицкий монастырь к преподобному Сергию за благословением.

Так устроена святая Русь, таковы законы русской истории: в самые критические часы, когда кажется, что судьба Отечества уже решена, что никто не в состоянии уже вытащить нас из бездны, всегда находился великий молитвенник и печальник, кто брал на себя ответственность стать духовным отцом нашей нации. Таков Сергий, благословляющий Дмитрия Донского на битву с непобедимой Ордой. Таков Иосиф Волоцкий, в одиночку победивший ересь, грозившую уничтожить все русское православное самосознание, русский национальный код. В эту ересь, как ни прискорбно об этом говорить, впали тогда даже близкие родственники великого князя и высшее русское духовенство. Таков и Дионисий, рассылающий воззвания к народу и дающий войскам благословение.

Казалось, вся Россия стояла в стенах древнего монастыря, внимая звукам просительного молебна. Нижегородцы, смоляне, дорогобужцы, ярославцы, коломенцы, рязанцы, суздальцы... И казаки здесь, и поморы, и сибиряки. Стоит Русь в ожидании участи своей. Замерла. Молит Спасе всемирлостивого изгнать врага и уврачевать Смуту. Поет монастырский хор, диаконы возглашают ектинии. Молится Русь. Рвутся в порыве злого ветра русские стяги. Недобрый ветер. Противный. От Москвы дует. Злая примета. Печальны воины. Поникли бедовые голо-

вушки. Неужели не будет прощена Россия? Неужели отвернулись от нас Бог Господь Иисус Христос, да Пречистая Матерь Его Богородица, да отец наш батюшка Сергей чудотворец Радонежский? И не одолеть нам проклятого врага? И гибель пришла Русиматушке?

Печальные воины, а молебен своим чередом идет. Настоятель Троицкий архимандрит Дионисий крест наперсный в купель опускает, воду святит. Спокоен архимандрит. Службу ведет чинно, уверенно.

— С небеси пошли благодать, Жизнодавец, и воду сию освяти... — неспешно поет хор древним знаменным распевом.

Дионисий берет кропило и начинает окроплять князя, воевод, стрельцов, ополченцев разных сословий, казаков и люд служилый. И коней верных окропляет, и надежное, грозное оружие.

И мир приходит в стены монастыря. Утихла буря, умолк ветер. Заблестели глаза русских воинов, святой верой и доброй надеждой возгорелись. И почудилось тут ратникам, что сам великий Сергий стоит незримо, а и зримо даже, вот только что его видели посреди нашего войска. Лучится улыбкой, благословляет.

Отслужили молебен. Воздали хвалу Богу, Пречистой Его Матери и Сергию святому. Тронулись походом. И тут снова задул ветерок. Не с Москвы, а от собора, от самой Троицы и Сергия. Теплый ветер, попутный.

Идут полки. Светло на сердцах. Радуются души. Дионисий же со словами: «Бог да будет с вами, и великий чудотворец Сергий да поможет вам постоять за святую православную веру!» — благословлял каждого проходящего мимо воина.

С великим воодушевлением ополчение двинулось на столицу. Но и теперь не оставил русского войска без духовной помощи Троицкий настоятель. Благословил быть при князе Пожарском верного своего помощника Авраамия Палицына. Помните, как в свое время благословил быть при князе Донском преподобный Сергий монахов своих Пересвета и Ослябю? Помните, какую великую роль сыграли два эти инока в битве Куликовской? Так и сейчас. Келарь лаврский промыслом Божиим навеки золотыми буквами вписан в книгу истории российской. Судите сами.

В самый разгар битвы под стенами Китай-города, когда сошлись в кровавом хороводе легкие сабельки, тяжелые топоры, острые бердыши да пули ружейные, когда стало где размахнуться, распотешиться бедовому русскому рукопашному бою, когда солнце в небесах, утраившись сечи лютой, за тучу черную свой огненно-золотой лик укрывало, когда коршуны, спятившие от густого запаха крови, рвали друг на друге перья в клочья, когда перья эти, упав, мешались в Москва-реке с порубленными перьями польских летучих гусар, когда лишь ветер успевал иногда утереть мокрые от крови и пота лица смертельно уставших ратников... Тогда донесли вдруг князю Дмитрию страшную весть:

— Измена, княже! Черная измена! Казаки отказались идти на штурм, выручать братьев православных.

— Как отказались? Что такое? Измена?

— Измена!..

Вот и все. Напрасны все труды и все старания. Не будет победы. Не станет Русь свободна. Не прекратится Смута. Погибнет русская земля. Церкви Божии в костелы обратятся. Иконами святыми голубая шляхта будет печи топить. Измена...

Отказались вольные казаченки в бой идти. Как есть отказались. За просто так. За двойное жалование — пожалуйста, а задаром не желаем свободную казачью кровушку проливать, земли москальские потом угощать.

Бросился тогда к казакам Авраамий, посланник Дионисия, упал перед атаманами на колени.

— Братья! Люди православные! Ради Христа! Ради Богородицы! Ради отца нашего Сергия Радонежского! Вы вставайте да за святую Русь! Вы гоните врага зла да от стен Кремля. А за то не оставит вас Сергей наш батюшка. Пусть пуста теперь казна монастырская, но даю вам слово, на святом кресте клянусь, на Евангелии, что отдам я вам за ваш ратный труд все сокровища нашей ризницы: все богатые ризы Троицкие, дорогие сосуды служебные, да иконные облачения, что из серебра да с камнями. Все сокровища, да святыни все, что не сумели захватить за шестнадцать месяцев ни литвины осадой, ни полячишки. Только встаньте вы силой ратною за святую Русь да за Христа Царя!

Устыдились казаки, призадумались.

— Чего это мы? Али не православными родились мы, братья? Али не крест Христов вместо солнца нам путь кажет в пасмурный день да темной ночью? Али не целовали мы святых икон Богородичных, клянясь в верности Богу нашему да Руси — уделу Божьей Матери?

Настало согласие. Казаки вступили в бой, отказавшись принять обещанные Авраамием сокровища. И общими усилиями казаков и ополчения Москва была освобождена от иноземцев.

А уже на третий день, в Кремле, в сердце русского Православия — соборном храме Успения Богородицы — настоятель архимандрит Дионисий, как самый уважаемый священник нашей церкви, служил благодарственный молебен.

Шли дни за днями, недели за неделями, год за годом. Дьявол — враг рода человеческого, искал случая, чтобы ополчиться на святого Троицкого подвижника. Искал и нашел. Это было тогда, когда новый царь, избранный всем миром Михаил Федорович, решил исправить богослужебные книги. Дело это было непростое, деликатное. Ревнители старины русской, древнего благочестия за каждую букву в святом писании на смерть стояли. Исправлять книги мог пастыр авторитетнейший. Таким исправителем и стал Дионисий. С усердием приступил преподобный за это богоугодное дело, взяв за основу славянские древние рукописи и греческие требники.

Полтора года работал Дионисий с мощниками над справой. Вот тут-то и навел дьявол клевету на Божьего слугу. По клевете этой, по злому доносу взяли Дионисия. С позором, с бесчестием, принародно, пешим, а в иной день на самой негодной лошаденке, без седла, в цепях, в одном рубище возили по Москве. Народ смеялся над вчерашним своим избавителем, кидал в него грязью и песком. Он все это терпел стоический. Привезут его иногда до обедни, иногда после обедни и поставят скованного тяжелой цепью на митрополичьем дворе. Стоит он, сердечный, под палящим солнцем или под проливным дождем с утра до вечера. И не давали ему при этом ни куска хлеба, ни чашки воды. А давали вместо это-

го на трапезе лишь злые пинки да горькие плевки. Он же... улыбался и смиренно благодарил.

Состоялся церковный собор, на котором бедного страдальца отлучили от церкви Божией да запретили священствовать. Осудили Дионисия на заточение в Кирилло-Белозерский монастырь, но по причине труднодоступности обители содержали до поры в Новоспасском монастыре столицы. Здесь сорок дней томили страдальца на полатах в дыму, били, морили голодом, заставляли класть ежедневно тысячу поклонов. Он все сносил безропотно. Ох, и радовался же в те дни враг Христов — дьявол, что столько горя принес Божьему человеку.

Но Господь поругаем не бывает. На счастье в это время в Москву прибыл Иерусалимский патриарх. Тщательно разобрал он это непростое дело и полностью подтвердил правоту Дионисия в справе книг церковных. И другие восточные патриархи стали на защиту бывшего Троицкого настоятеля. После особого суда Дионисий был полностью оправдан.

Ныне преподобный Сергей Радонежский и преподобный Дионисий Радонежский, духовный учитель и ученик — два защитника и созидателя Руси, два столпа Православия упокоены почти рядом. Они не пересекались в жизни земной, но навеки соединены в небесном царствии под сенью Святой Троицы.

